

Прокофьев Сергей Сергеевич
29.06.96

МОНСТРЫ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

том, что философы лишь объясняли мир, а его нужно переделать. В трех частях использованы тексты Ленина — из "Что делать?", а также из речей и статей, датированных октябрём 1917-го. Две последние части — это сталинская клятва над гробом Ленина и его же речь на 8-м внеочередном съезде Советов по случаю принятия Конституции (1936). Хорошие эпизоды перемежаются двумя оркестровыми интерлюдиями и "симфонией", предшествующей речи Сталина.

Композитор работал над кантатой в 1936-37 гг. и к сроку представил ее заказчиком. Но тут, как случилось в сказках "Тысяча и одной ночи", вызванный им демон, вместо того чтобы обласкать освободителя, на него набросился: сочинение было раскритиковано за "левацкий уклон и вульгарность, преобладающую в произведениях так называемых революционных художников Запада", рукопись конфисковали и закрыли в архиве Комитета по делам искусств. Лежала она там до 5 мая 1966 года, когда состоялось первое исполнение в Москве (Московским филармоническим оркестром дирижировал Кирилл Кондрашин). Однако и в этом гораздо более невинном году кантата опять пострадала: две последние (сталинские) части были ампутированы.

Это грандиозная (больше сорока минут) оратория, местами действительно захватывающая громовой мощью (и то в Нью-Йорке в исполнении принимал участие уменьшенный состав), в ней слышна и прокофьевская изобретательность, и опыт новой музыки первой трети нашего века. Для вящей внятности "трогательные" фразы поет женский хор, боевые — мужской, в кульминациях сливающиеся с оркестром в оглушительных форте. Мне, однако, в этой музыке слышалось (да простят меня читатели старшего поколения) некое музыкальное рукоблудие, вместо катарсиса вызывавшее чувство стыда.

После неудачного опыта с "Кантатой", получив заказ от Всесоюзного радиокомитета на сочинение к грядущему сталинскому юбилею, Прокофьев был осторожнее. Это уже не демон, это бес помельче. Короткая (12 минут) кантата на-

писана на стихи, взятые якобы из русских, украинских, белорусских, кумыкских, курдских, марийских и мордовских народных песен о Сталине. В программе концерта был дан английский перевод, с упоминанием, что русский текст составил поэт А.Машеров. Мне захотелось ознакомиться с оригиналом; в научной библиотеке Линкольн-Центра, после длительных поисков, мне выдали партитуру: "Здравица. Смешанный хор с сопровождением симфонического оркестра. Текст народный". М.-Л., Музгиз, 1941. И, хотя я и сам в первом классе учил подобные "тексты" наизусть, видимо, с отвычки этот меня затронул. Вот несколько фрагментов.

"Никогда так не было поле зелено./ Небывалой радости все полно./ Никогда нам не была жизнь так весела./ Никогда досель у нас рожь так не цвела./ По-иному светит нам солнце на земле./ Знать, оно у Сталина побыло в Кремле./ Я пою, качая сына на своих руках./ Ты расти, как колосочек в синих васильках./ Сталин будет первым словом на твоих губах./ Ты поймешь, откуда льется этот яркий свет./ Ты в тетрадке нарисуеть сталинский портрет./ Ой, горит, играет солнце в светлых каплях рос./ Этот свет, тепло и солнце Сталин нам принес./ (...) Ой, вчера мы песни пели да гуляли!/ То не русую мы косу пропывали!/ То не замуж мы Аксинью выдавали./ в Москву-город провозжали, в столицу./ в гости к Сталину Аксинью провозжали./ Выходила свет-Аксинья за ворота./ хороша собой, красива, в новых ботах./ За околицу Аксинью провозжали мы./ С нею Сталину привет посылали мы.../ Он все слышит, видит, слышит, видит, как живет народ, работает./ За хороший труд, за труд хороший/ Награждает всех./ Он в Москву к себе приглашает тех./ он встречает ласково./ говорит со всеми весело, ласково, мудро и весело./ он гостей проводит в светлы горницы./ он садит за столики, за дубовые./ Порасспросит все, поразведает./ как работают, чем нуждаются.../ Сам дает советы мудрые".

Не слабее и финал: "Много, Сталин, вынес ты невзгод./ Много муки принял за народ.../ Твои взоры — наши взоры,

вождь родной./ Твои думы — наши думы до одной./ Нашей крепости высокой знамя ты./ Мыслей наших, крови нашей пламя ты./ Сталин! Сталин!"

Вначале в библиотеке я нашел партитуру (без даты), изданную в Москве где-то уже в хрущевские годы. Автором текста числился некий А.Машистов (?). Сталина в ней нет вовсе (кому, в 1939 году, — "Здравица"?), одни только Ленин и партия, глаголы перешли все в сослагательное наклонение; политической корректуре сопутствовала стилистическая — жертвой этой последней пали, в частности, Аксиньины боты. Ровесники, наверное, мне возразят: "Да мы все это знаем!" Мы — да, а как насчет юных поколений?

Музыка "Здравицы" выдержана в народном стиле, местами напоминая крестьянские хоры из "Евгения Онегина" Чайковского с легким налетом прокофьевской "редактуры". Произведение понравилось начальству и в назначенный день было исполнено в Москве. Сын композитора Олег Прокофьев вспоминает постановление жюри конкурса, где говорилось, что новое сочинение полезно и доступно в достаточной степени, чтобы транслировать его через громкоговорители на улицах и площадях Москвы. Что и имело место.

Может быть, я бы не так сильно разгорячился из-за этих "раритетов", если бы где-то за неделю до прокофьевских программ наш публичный (некоммерческий) 13-й канал телевидения — видимо, в преддверии Олимпийских игр в Атланте — не посвятил полсубботы Лени Рифеншталь — немецкой кинозвезде и режиссеру, прославившейся документальными фильмами "Триумф воли", о нюрнбергском "съезде победителей" национал-социалистической партии (1934), и "Олимпия", об играх в гитлеровском Берлине (1936). Обе ленты и сегодня производят сильнейшее впечатление. По легенде, ее очень высоко ценил Гитлер, кстати, несколько раз появляющийся в кадрах "Олимпии" в роли азартного болельщика. Кроме этих двух картин, было показано двухчасовое интервью с Лени

Ф.Малявин. Портрет Сергея Прокофьева.

Рифеншталь, снятое довольно давно в Германии. В конце интервью похожий на комсорга малосимпатичный журналист в очках поучительным голосом ей говорит нечто вроде следующего: "Вот уже три десятка лет Германия ждет, чтобы вы признали свою вину!" Профессиональная актриса, она скорбно вскидывает ресницы и отвечает: "Вину? А в чем моя вина? Я ничего не знала о концлагерях, я не вступала в партию, я уклонялась от съемок военной хроники! В какой-то момент меня увлек Гитлер, но ведь тогда и Черчилль им увлекся! Моя вина заключается только в том, что в эти годы я жила и работала в Германии!"

Жаль, что нельзя ни о чем таком спросить Сергея Прокофьева. Что бы ответил он?

Отвлекаясь от морально-исторических материй, в качестве постскриптума добавлю, что Валерий Гергиев со своим оркестром и хором сделали все возможное, чтобы представить эти (как и все остальные в программах концертов) труднейшие сочинения в наилучшем из возможных видов. Ему — огромное спасибо.

АЛЕКСАНДР СУМЕРКИН

Нью-Йорк

Русская трыска - Паршин - 29 авг - 4 сент - 1996 - с. 14